



МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

Я. С. СМЕРНОВА

НОВЫЕ ЧЕРТЫ В АДЫГЕЙСКОЙ СВАДЬБЕ

«Исторический опыт развития социалистических наций,— отмечается в Программе КПСС,— показывает, что национальные формы не окостеневают, а видоизменяются, совершенствуются и сближаются между собой, освобождаясь от всего устаревшего, противоречащего новым условиям жизни»¹. Этот процесс идет у всех наций и народностей СССР, во всех областях их культуры и быта. В частности, он становится все заметней в свадебной обрядности адыгейцев, многие черты которой в последнее время начали существенно видоизменяться.

Традиционная адыгейская свадьба в том виде, в каком она сейчас справляется во многих семьях, имеет свои местные отличия в двух основных областях расселения адыгейцев — на Кубани (Адыгейская автономная область) и в Причерноморье (Туапсинский и Лазаревский районы Краснодарского края), а подчас и в отдельных районах и даже селениях, что объясняется в первую очередь остатками различий в быту адыгейских племен. Однако повсеместно она является оформлением брака уходом и включает следующие основные элементы.

1. Сватовство, предпринимаемое женихом через одного из своих товарищей — посредника («тлыко»), ведущего переговоры с девушкой тайне от ее родителей.

2. Обмен залогами («ауж») или даже письменными обязательствами вступить в брак, совершаемый через того же посредника, реже при личном свидании, и обычно сопровождающийся уговором о дне ухода девушки из дома.

3. Уход («нысэщэ куачэх»), предпринимаемый невестой тайком от родителей, которым явившийся за ней с группой товарищей жених оставляет на столе символический брачный выкуп (обычно не более десяти рублей) и которых вскоре оповещают о случившемся, прося у них через посредников согласия на брак.

4. Помещение невесты в дом одного из товарищей или родственников жениха («тешэрып»), где она живет одну-две недели, называясь с этих пор воспитанницей («пур») хозяев дома. В прошлом здесь заключался брачный договор («нэых»), знаменовавший официальное оформление брака. Поэтому по обычаю жених с момента поселения невесты в этом доме считается мужем и посещает жену по ночам. Иногда этому предшествует оформление брака в загсе, куда жених и невеста яв-

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза, Госполитиздат, 1962, стр. 115.



Рис. 1. Танцы на свадьбе. Слева — распорядитель «джэгуако»

ляются порознь, но чаще посещение загса откладывается до окончания всех свадебных церемоний. Новобрачная живет в доме своих названных родителей безвыходно, не появляясь даже на работе², куда возвращается только через некоторое время, иногда через один-два месяца после свадьбы.

5. Перевод новобрачной в дом родителей мужа («нысэщэж»), совершаемый последним с группой поезжан (младших родственников, товарищей и подруг новобрачных) за некоторое время до свадьбы. Молодая поселяется в предназначенной для нее отдельной комнате («лагунэ», «нысэун»), где по-прежнему продолжает скрываться. С этого времени в доме каждый вечер собирается и танцует молодежь, приходят и люди постарше.

6. Приблизительно одновременное переселение новобрачного в дом одного из товарищей или соседей, где он скрывается от своих родителей и старших родственников, продолжая, впрочем, ежедневно выходить на работу. Он также становится воспитанником — «пуром» приютившей его семьи.

7. Непосредственная подготовка к свадебному торжеству, происходящая накануне: несколько родственников новобрачного обходят односельчан, приглашая их на свадьбу, все родственники несут в дом продукты и деньги для устройства свадебного пира, а также подарки, предназначенные для раздачи на свадьбе. Обычно в этот же день совершается церемония возвращения новобрачного домой («шэоэщэж»), куда его приводят товарищи.

8. Свадебное торжество («нысэщэ джэгу»), устраиваемое на Кубани в субботу вечером, в Причерноморье — в воскресенье. Порядок его строго регламентирован: общее руководство осуществляется кем-нибудь из старших родственников новобрачного или почетных стариков, непосредственным распорядителем является «джэгуако», имеющий помощника «хатияко». Торжество начинается танцами под гармонь и трещотки. В танцах участвуют девушки и мужчины, тогда как замужние женщины остаются только зрительницами. Затем следуют основные свадебные церемонии и, наконец, пиршество, во время которого поочередно угощают стариков, остальных мужчин, женщин, молодежь и

² Рабочие и служащие обычно стараются приурочить эти дни к отпуску.

детей. У причерноморских адыгейцев пиршество иногда предшествует свадебным церемониям.

В разгар танцев джэгуако объявляет церемонию вывода новобрачной («нысэищ»). Закрытую покрывалом, ее выводят из лагунэ к гостям, которые один за другим делают пожертвования, громко объявляемые джэгуако. Сбор идет в пользу джэгуако и музыкантов.



Рис. 2. Родственники жениха преграждают невесте вход в дом

После этого молодую снова ведут в дом, чтобы совершить церемонию ее ввода («унэшхомищэн») в общее помещение семьи (в прошлом — так называемый «большой дом»). В Причерноморье у входа в дом молодой преграждают путь родственники мужа, пропускающие ее только после того, как получают подарки. То же повторяется при входе в комнату. У порога под ноги новобрачной расстилают ткань; в Причерноморье кладут также веник, который она должна поднять и поставить в угол. В комнате ей приоткрывают лицо, осыпают ее сладстями или мажут губы смесью меда и масла; в Причерноморье кто-нибудь из мужчин молится над чашами с ритуальными колобками и просняным пивом. В некоторых аулах Причерноморья, кроме того, одна из женщин запекает свадебную песню, а девушки — родственницы новобрачного водят вокруг этой женщины хоровод, повторяя припев. После этого молодую вновь уводят в лагунэ.

Если еще жива бабка мужа, церемония ввода молодой в общее помещение в самом начале прерывается церемонией бегства бабки из дома и возвращения домой («ныоэж эж»). В старом платье, с овчиной на плечах и набитой продуктами торбой за плечами она выбегает на улицу, жалуясь, что невестка выгнала ее из дома, и расчищая себе путь выстрелами из лука. Следом бежит толпа, ведя молодую. Ее бранят за изгнание бабки; кто-нибудь от имени молодой просит бабку вернуться, делает подарок. В конце концов та соглашается и возвращается домой. В некоторых районах в этой церемонии пассивно участвует и дед мужа.

Далее следуют церемонии ввода новобрачной в дома ближайших родственников, а иногда и соседей мужа. В основном они аналогичны обряду ввода в общее помещение семьи, но совершаются в несколько упрощенном виде. После этих церемоний молодая женщина вправе не

соблюдать обычаев избегания в отношении старших женщин данных семей; исключение составляет свекровь, избегание которой прекращается особой церемонией через некоторое время после свадьбы³.

Родители и близкие родственники молодой на свадьбе никогда не присутствуют. Новобрачный также отсутствует, скрываясь в одном из соседних домов.



Рис. 3. Один из моментов церемонии «бегства бабки»

9. Распределение между родственниками мужа привезенных новобрачной вещей (обычно одного-двух чемоданов с ее платьями, туфлями и т. п.) производится на следующий день после свадьбы, реже в конце свадебного дня. Это распределение («нысэтын») подчас сопровождается обсуждением вещей и нареканиями в адрес молодой женщины.

10. Посещение новобрачной родного дома («тешэ»), предпринимаемое через несколько месяцев после свадьбы, к тому времени, когда родители успеют подготовиться к визиту. Ее сопровождают одна или несколько родственниц мужа с подарками для родителей и родственников. Обрато она возвращается с приданым («кэтлыхыж») — платьем, домашней утварью, иногда мебелью, а также подарками для членов и родственников своей новой семьи. Затягивание тешэ или недостаточность приданого и подарков нередко также вызывают недовольство и портят отношения между молодой женщиной и ее прежней или новой семьей⁴.

³ См. об этом: Я. С. Смирнова, Обычаи избегания у адыгейцев и их изживание в советскую эпоху, «Сов. этнография», 1961, № 2.

⁴ По материалам этнографических поездок 1959—1961 гг. в Шовгеновский (сел. Шовгеновск, Мамхег, Хатажукай), Кошехабльский (сел. Кошехабль, Ходзь), Октябрь-

Даже из приведенного сжатого описания можно видеть, что далеко не все свадебные традиции адыгейцев соответствуют современным условиям их быта. Это обстоятельство уже привлекло к себе внимание адыгейской общественности. Так, в 1959 г. в Лазаревской районной газете «Знамя социализма» была опубликована статья А. Сизо «Вредные пережитки прошлого», основные положения которой заслуживают того, чтобы быть приведенными здесь полностью. «В свадебном обряде шапсугов,— писал А. Сизо,— много хорошего, но немало и отсталого, унижительного для девушки. По старым обычаям о дне замужества девушка не должна ставить в известность родителей. Это, к сожалению, сохранилось и в наши дни. Вот девушка вышла замуж — и ее две-три недели держат в гостевой комнате. Она не имеет права не только выходить на работу, но и показываться старшим и особенно родителям мужа. Жених, как прежде, тоже скрывается от старших... Но особенно позорный обряд совершается (в день свадьбы.— Я. С.) после обеда.

Недавно я побывал на свадьбе у колхозника сельхозартели «1 мая» Шихрет Баус, который женил своего сына. После обеда я «увидел» невесту. Ее вывели в круг с музыкой в сопровождении подруг и родных, но с закрытым лицом. Она задыхалась под покрывалом, опущенным до самых колен, не видела, куда ее ведут, не знала, что творится вокруг. Распорядитель свадьбы объявил: «Невеста просит, чтобы ее выкупили»... Собралась большая сумма, что-то около двух тысяч рублей. Возникают два вопроса. Нужно ли проводить эту самую «продажу» невесты? Почему обязательно эти деньги должны поступать в карман распорядителям свадьбы и музыкантам? И если уж согласиться с «продажей» невесты, то не лучше ли собранные деньги считать подарком молодоженам на «обзаведение»? Но главное, пора кончать с позорным покрывалом невесты... Обычно все вещи (невесты.— Я. С.) забирают родственники жениха, а если их мало, невесту осуждают... Полгода или год невеста не видит своих родителей. Дело связано с подарками родителей. На этой почве появляются сплетни с осуждением тех родителей, которые не могут сделать хороших подарков. Иногда это приводит к разводу молодоженов»⁵.

Статья вызвала широкий резонанс. Редакция газеты «Знамя социализма» получила ряд писем с мест, авторы которых резко осуждали устаревшие обычаи в адыгейской свадебной обрядности. Из Красноалександровского сельсовета поступило сообщение, что статья А. Сизо обсуждена на заседании исполкома, принявшего решение усилить воспитательную работу среди населения⁶.

В Адыгейской автономной области эти же вопросы поднимались на страницах областных газет в 1959, 1960 и 1961 гг. авторами ряда статей, призвавшими развернуть борьбу с такими отжившими обычаями, как тайный уход невесты, остатки брачного выкупа, раздел вещей новообрачной между родственниками ее мужа и т. п.⁷.

В 1962 г. Адыгейским областным радиокомитетом на эту тему была организована специальная передача, после которой в адрес редакции поступило более сотни одобрительных писем радиослушателей.

ский (сел. Афиписп), Туапсинский (сел. Куйбышевка, Большое Псеушко) и Лазаревский (сел. 1-е, 2-е и 3-е Красноалександровское, Большой Кичмай, Головинка) районы Краснодарского края. См. также: М. А. Меретуков, Семейный быт абадзехов, рукопись канд. диссертации, Тбилиси, 1954.

⁵ «Знамя социализма», 10 декабря 1959 г.

⁶ Там же, 4 февраля 1960 г.

⁷ «Социалистическая Адыгея», 12 мая 1959 г.; «Адыгейская правда», 12 апреля 1960 г.; там же, 12 декабря 1961 г.

Характерно, что в обсуждении подобных вопросов принимают участие и представители старшего поколения. Так, например, летом 1959 г. в сел. Афиписип состоялось собрание стариков, большинство которых высказалось против устаревших свадебных традиций.

Все эти выступления отразили назревшую, глубоко осознанную общественностью потребность в обновлении свадебной обрядности. По сути дела они явились лишь призывом к ускорению уже начавшегося процесса, порожденного самой жизнью, новым, социалистическим бытом адыгейцев. В настоящей статье приведены некоторые данные об этом процессе, полученные в названных выше адыгейских селениях.

Новые черты адыгейской свадьбы обнаруживаются уже с начальных эпизодов свадебного цикла. По мере того, как в процессе совместной учебы или работы, общения в самодеятельных кружках, клубе и т. п. отмирают последние остатки былой отчужденности полов, все чаще бывает, что молодой человек, намереваясь посвататься к девушке, делает ей предложение не через посредника, а лично. Обходятся без посредника и при обмене залогами, да и сам этот обмен не является теперь обязательным. Так, например, во всем Кошехабльском районе только в одном небольшом селении Ходзь молодые люди иногда обмениваются залогами⁸.

Обычай тайного ухода невесты остается еще, пожалуй, общепринятым, но символический денежный выкуп за нее часто заменяют каким-нибудь предметом, например, часами. Делается это, по словам участников церемонии, для того, чтобы родители «знали, что их дочь ушла». Впрочем и сама тайна ухода нередко является фикцией: девушка советуется с родителями, и последние хорошо осведомлены не только о ее намерениях, но и о дне оставления дома.

Дальше продвинулось отмирание обычаев досвадебного поселения невесты и жениха у их названных родителей. Чаще всего невесту отводят прямо в дом родителей жениха, а сам он нередко также остается дома — иногда демонстративно, иногда стараясь в течение одного-двух дней не попадаться на глаза старшим. Новобрачная, в свою очередь, вызывает как бы подчеркнутую застенчивость, но не скрывается в лагунэ. Подчас в таких семьях молодые люди отправляются в загс не порознь, а вместе; сокращаются и сроки невыхода новобрачной на работу; во многих случаях этот обычай не соблюдается теперь совсем. В дни подготовки к свадьбе, когда в доме по вечерам собираются гости, оба виновника торжества сторонятся старших, но свободно веселятся с молодежью; не принимают участия в танцах, но выходят посмотреть на них во двор. В таких случаях, как мне приходилось это наблюдать в 1961 г. в готовившихся к свадьбе семьях М. Джаримова (сел. 2-е Красноалександровское) и М. Нагучева (сел. Куйбышевка), пожилые родственники некоторое время ворчат на молодежь, упрекая ее в пренебрежении к приличиям («адыгагчэ»), однако быстро привыкают к новому порядку вещей и успокаиваются⁹.

Новшествами в свадебном торжестве являются упрощение, а иногда и полное опущение тех или иных элементов древнего магического ритуала, заметные изменения в традиционном регламенте танцев и угощения приглашенных, исполнение, наряду с традиционными свадебными, других, в том числе и русских, песен. Но главное и здесь заключается в другом — нежелании молодежи, в первую очередь самих новобрачных, выполнять некоторые особенно унизительные свадебные церемонии.

⁸ Полевые записи автора, Архив Ин-та этнографии АН СССР, ф. КЭ, ед. хр. 35, лл. 82, 110, 112.

⁹ Там же, лл. 58, 80, 83, 84, 95, 105, 108, 110, 112.

В последние годы значительная часть девушек не надевает в день свадьбы покрывала. В некоторых селениях этот обычай практически уже можно считать изжитым: так, в сел. 1-е и 2-е Красноалександровское ни на одной из состоявшихся в 1959—1961 гг. свадеб новобрачная не выходила к гостям с закрытым лицом¹⁰. Нередко новобрачная вообще отказывается подвергаться обряду выкупа, в результате чего в Причерноморье возник своеобразный паллиативный обычай: подмена ее одной из девушек — участницей танцев. Обычай, по которому джэгуако «арестовывал» отличившуюся танцовшу и заставлял присутствующих платить за ее освобождение («пшэштэубыт»), существовал и раньше; новое состоит в том, что в последнее время к этому выкупу все чаще прибегают как к эквиваленту выкупа виноницы свадебного торжества. Не всегда также выполняются обряды выкупа у родственников мужа права новобрачной войти в общее помещение семьи и дома родственников и соседей, а также бегства и возвращения бабки. Характерно, что и сама бабка подчас участвует в этой курьезной церемонии с большой неохотой, только после длительных уговоров желающих позабавиться гостей¹¹.

В свою очередь, многие молодые люди открыто выражают недовольство обычаем, запрещающим им присутствовать на собственной свадьбе. На упомянутой выше свадьбе М. Джеримова последний пытался присоединиться к танцующим, а когда был удален одной из родственниц, не ушел, как положено по обычаю, в соседний дом, а стал наблюдать танцы, выглядывая из растущей в нескольких шагах кукурузы. Другие молодожены проявляют еще меньше уступчивости: в соседнем селении 1-е Красноалександровское И. Сизо на своей свадьбе не поддался уговорам стариков и остался с гостями, а затем даже сел с ними за один стол¹².

Наконец, постепенный отход от старых адыгейских традиций наблюдается и в порядке распределения различных свадебных сборов и подарков. В одних случаях принимается решение передать собранные во время церемонии вывода деньги молодоженам, в других — не раздавать или раздавать не полностью принесенные на свадьбу подарки, в третьих — не делить пожитки новобрачной между родней ее мужа, в иных — не уменьшать размеров приданого за счет подарков той же родне. Принимая такие решения, устроители свадьбы руководствуются стремлением, с одной стороны, избежать ненужных расходов, связанных с бесконечным обменом подарками между родственниками обоих молодоженов, с другой стороны — помочь новой семье в обзаведении предметами личного и домашнего обихода. С этим связана еще одна, совершенно новая традиция адыгейской свадьбы — поднесение непосредственно молодоженам памятных и других подарков от родственников, друзей, товарищей по работе. В последнем случае подарки часто бывают коллективными. Так, например, на праздновавшейся летом 1961 г. в сел. Большой Кичмай свадьбе молодых рабочих 2-го отделения Лазаревского мясо-молочного совхоза Т. Хушта и З. Нибо их товарищи по работе сделали им в складчину подарки на сумму около 30 руб.; в том же селении в семье Гвашевых на столе стоял хрустальный графин с надписью: «В день свадьбы Хаджету от товарищей. 6 августа 1961 г.». По имеющимся сведениям, это нововведение сейчас значительно распространилось в большинстве селений как кубанских, так и причерноморских адыгейцев¹³.

¹⁰ Архив Ин-та этнографии АН СССР, ф. КЭ, ед. хр. 35, лл. 79, 96.

¹¹ Там же, лл. 70, 73, 79, 87, 96, 102, 105, 110.

¹² Там же, лл. 79, 90, 96, 107.

¹³ Там же, лл. 58, 60, 71, 73, 96, 100, 112, 113.

Перестройка и обновление адыгейской свадебной обрядности протекают неравномерно. В одних районах, селениях, даже отдельных семьях удерживаются одни старые обычаи, в других — другие, в результате чего сейчас чуть ли не каждая свадьба приобретает известное своеобразие, свое индивидуальное лицо. Более радикальны в отходе от традиционной обрядности, а вместе с тем и несколько более единообразны так называемые молодежно-комсомольские, или «новые», свадьбы.

Первые молодежно-комсомольские свадьбы среди адыгейцев были организованы в Адыгейской автономной области. Вначале это были, как правило, свадьбы в семьях работников районных комитетов КПСС и ВЛКСМ, райисполкомов и т. д. Их почин был подхвачен комсомолом, ставшим в дальнейшем главным инициатором, организатором и популяризатором этих свадеб. Показателен в этом отношении опыт Кошехабльского райкома ВЛКСМ, много сделавшего для популяризации первой в районе комсомольской свадьбы — молодого работника райкома КПСС Н. Заушева и члена бюро райкома ВЛКСМ учительницы Т. Самоковой.

Свадьба состоялась осенью 1959 г. Сделав предложение и получив согласие девушки, жених привел ее сразу же в свой дом, где ни он, ни она не стали скрываться от родственников. Свадьбу решили сделать показательной, отпраздновав ее в школьном клубе, с приглашением почетных гостей из Кошехабля и других селений района. Здесь в торжественной обстановке, в присутствии родителей обоих молодых людей была оформлена регистрация брака. Затем новобрачных со свадебной песней (в разных районах она имеет свои варианты) ввели в зал. Собравшиеся, большую часть которых составляли товарищи по работе, поздравили их и поднесли им подарки. Все это время продолжались попеременно адыгейские и русские танцы: первые под гармонь и трещотки, вторые — под духовой оркестр. За столом сидели все вместе, причем в нарушение обычаев провозглашали тосты за молодых и даже заставляли их целоваться. Под утро гости, окружив новобрачных, отвели их в дом новобрачного, при входе снова спев свадебную песню. Дома торжество было продолжено, теперь при участии главным образом родственников и соседей, но и на этот раз без соблюдения одиозных традиций: оба новобрачных поселились вместе с гостями, молодую не выкупали, вещи ее не раздавали и т. д. Вскоре после этой свадьбы Кошехабльский райком ВЛКСМ организовал ряд комсомольских собраний с подробным обсуждением старой и новой свадебной обрядности и, в частности, преимуществ последней. В результате уже в следующем году две подобные же комсомольские свадьбы были отпразднованы в соседнем сел. Блечепсин и одна в сел. Ходзь, а в 1961 г. — еще две в селениях Ходзь и Кошехабль¹⁴.

Ряд комсомольских свадеб был проведен в последние годы и в других районах Адыгейской автономной области, в частности Шовгеновском (сел. Шовгеновск) и Октябрьском (сел. Афиписп). В адыгейских селениях Причерноморья комсомольские свадьбы устраиваются реже, но и здесь в селениях Киров, 1-е Красноалександровское и Куйбышевка, начиная с 1958 г., было отпраздновано несколько «новых» свадеб. Повсеместно они проходили по более или менее единому порядку, предусматривающему следующие наиболее существенные моменты: 1) отношение к свадьбе как к общественному делу, касающемуся не только родственников, друзей и соседей, но и товарищей по работе в колхозе, совхозе, учреждении и т. д.; 2) регистрация брака в загсе не по окончании, а в начале свадьбы; 3) отказ обоих новобрачных от обычаев скрывания, подчеркиваемый их открытым и активным участием в свадьбе; 4) одаривание во время свадьбы не родственников, а самих новобрачных, в част-

¹⁴ Архив Ин-та этнографии АН СССР, ф. КЭ, ед. хр. 35, лл. 106, 111, 113.

ности преподнесение им коллективных подарков товарищами по работе; 5) отказ от всяких, в том числе и традиционно-магических, форм религиозного освящения брака; 6) сохранение адыгейского национального колорита праздника, прежде всего национальной музыки, танцев, свадебных песен. Все это — в основном принципиально новые моменты, несовместимые с канонами традиционной свадьбы, решительно ломающие эти каноны.

Правда, пока еще некоторая часть комсомольских свадеб «дублируется» традиционными, подчас проводимыми с соблюдением таких обрядов, как вывод невесты, ввод ее в общее помещение семьи и пр. Это дублирование происходит по-разному. Иногда традиционная свадьба устраивается вслед за комсомольской¹⁵, иногда она, напротив, предшествует молодежному торжеству, на котором новобрачные веселятся с товарищами и принимают их поздравления и подарки¹⁶, иногда, наконец, свадебное пиршество проводится сторонниками «старой» и «новой» свадьбы одновременно, но в разных помещениях дома¹⁷.

Устройство двух отдельных свадеб, конечно, является частичной уступкой молодых людей их старшим родственникам, однако и оно представляет собой одну из форм ломки старых адыгейских свадебных традиций.

При всех формах отхода от традиционной обрядности адыгейской свадьбы значительная роль принадлежит влиянию городской и инонациональной культуры. Основными проводниками городских влияний являются семьи сельской интеллигенции и возвратившихся в родные места рабочих, а также те многочисленные семьи, которые имеют в городах родственников, как правило, поддерживающих тесную связь с родным селением и, в частности, почти всегда приезжающих сюда справить свою или отпраздновать чужую свадьбу. Собранные материалы показывают, что именно в таких семьях свадьба быстрее приобретает те или иные новые черты или же происходит в принципиально новой, комсомольско-молодежной форме. Так, например, первой «новой» свадьбой в сел. Кошехабль была описанная свадьба Н. Заушева и Т. Самоковой; в сел. Афипис — учителя К. Шу и студентки Н. Беджаше; в сел. Шовгеновск — заведующего библиотекой райкома КПСС Б. Джимова и учительницы Туовой; в сел. Киров — студентов Ленинградской консерватории К. Хейшхо и Р. Понез; в сел. 1-е Красноалександровское — студента И. Сизо и учительницы С. Хуновой; в сел. Большой Кичмай новые черты более всего сказались в свадьбе рабочего-швейника Х. Гвашева и т. д.¹⁸ Влияние городской культуры, в данном случае тех взглядов и традиций, с которыми учившиеся или работавшие в городах адыгейцы возвращаются в родные селения, является вместе с тем также влиянием инонациональной, прежде всего русской, культуры. Но последняя оказывает свое воздействие на формирование новой свадебной обрядности и другим путем — при заключении смешанных браков. В послевоенные годы такие браки участились не только в городах, но и во многих сельских районах, где адыгейцы живут бок о бок или попеременно с русскими, а местами также с украинцами, армянами, татарами. Обычно это браки адыгейцев с женщинами других национальностей, реже — наоборот. В 1961 г. в адыгейских селениях Туапсинского и Лазаревского районов семьи, основанные на браках адыгейцев с русскими, украинцами или лицами других национальностей, составляли приблизительно 3—4%:

¹⁵ Архив Ин-та этнографии АН СССР, ф. КЭ, ед. хр. 35, лл. 106, 111, 112.

¹⁶ Там же, л. 110.

¹⁷ Там же, лл. 58, 79.

¹⁸ Там же, ед. хр. 34, л. 53-а; ед. хр. 35, лл. 76-а, 79, 115.

в Куйбышевке 9 семей из 237, в 1-м Красноалександровском — 5 из 119, во 2-м Красноалександровском — 3 из 98¹⁹. Естественно, что при заключении подобного брака, зачастую происходящем при участии родственников обеих сторон, свадебная обрядность существенно отличается от традиционной адыгейской. По словам жительницы сел. 1-е Красноалександровское М. Чечух, русской по национальности, состоящей в браке с адыгейцем, ее свадьба справлялась на «полуадыгейский-полурусский лад»: жених начал было скрываться, но затем, по желанию ее родственников, пришел и вместе с ней присоединился к гостям. Приблизительно то же рассказала о своей свадьбе вышедшая замуж за адыгейца русская жительница пос. Головинка О. Мискур. По-комсомольски отпраздновали свадьбы с русскими девушками Н. Сапиев в сел. Шовгеновск и В. Серкуш в сел. Куйбышевка²⁰.

Было бы, впрочем, ошибкой видеть в новых чертах адыгейской свадьбы простое заимствование соответствующих черт русской или какой-нибудь иной свадьбы. По существу, эти новые черты — личное предложение девушке вместо поручаемого посреднику сватовства, обсуждение предстоящего брака не в одной, а в обеих семьях, предварительная регистрация брака в загсе, непосредственное участие в свадебном празднестве жениха и невесты, принимающих поздравления и подарки от товарищей и родственников, отказ от архаических социальных и религиозных обрядов с одновременными поисками новых форм празднования свадьбы как семейного и общественного торжества — являются чертами постепенно складывающейся у всех народов нашей страны общесоветской свадебной обрядности. В основе ее лежат единые социалистические условия экономической, общественной и духовной жизни и естественный результат этого единства — возрастающее взаимообогащение и сближение национальных культур.

Как уже говорилось, в последнее время в среде адыгейской молодежи значительно усилилось стремление к отказу от устаревших обрядов и проведению «новых», комсомольских свадеб. Тем не менее, последние пока еще отнюдь не являются общераспространенными: в Лазаревском районе, например, по словам местных жителей, по-новому справляется едва ли больше чем одна свадьба из десяти. Причин этому, по-видимому, две. С одной стороны, многие семьи, придавая большое значение консервативно-обывательскому «общественному мнению» и боясь быть обвиненными в нарушении «приличий», оказывают соответствующее давление на готовящуюся к свадьбе молодежь. С другой стороны, некоторые местные руководители, исходя из имевшей в прошлом место ошибочной практики превращения комсомольских свадеб в грандиозные мероприятия, финансируемые за счет колхоза или совхоза, не поощряют инициативы обращающихся к ним за поддержкой комсомольцев.

Между тем положительный опыт формирования новой свадебной обрядности и организации молодежно-комсомольских свадеб требует самой активной поддержки. В частности, было бы целесообразно, чтобы пресса и радиовещание Адыгейской автономной области, Лазаревского и Туапсинского районов продолжили начатую работу по борьбе с устаревшими свадебными обрядами и популяризации наиболее удачных комсомольских свадеб и чтобы эти вопросы нашли себе место также и в лекционной пропаганде.

¹⁹ Архив Ин-та этнографии АН СССР, ф. КЭ, ед. хр. 35, л. 114.

²⁰ Там же, лл. 60, 77, 80.

SUMMARY

A process of change in the wedding rites of the Adyghe has of late become increasingly apparent. Obsolete customs and traditions which are incompatible with a socialist society — such as matchmaking through a go-between, the bride's secret elopement from her parents' home, hiding the bride and groom from their parents and elder relatives, religious wedding ceremonies, etc.— are dying out. At the same time new wedding rites formerly unknown to Adyghe are coming into practice. These include a formal wedding ceremony at the registry office, direct participation of the bride and groom in the whole wedding ceremony, the receiving of congratulations and gifts, etc. These new ceremonies promote mutual cultural influence among the peoples of the USSR, one of the results of which is the gradual formation of an essentially uniform wedding rite among all the Soviet peoples.
